

Иногда налицо стилистические небрежности. Так, на с. 31 автор пишет: «В Византии существовала широко разветвленная сеть доносчиков (сикофантов), которых Феодор Метохит называл пиявками, берущими на мушку всех инакомыслящих». Стилистически неудачна также фраза на с. 25 о том, что до XIV в. было возможно совмещение двух традиций развития византийской культуры «не только вовне, т. е. в обществе, но и внутри одного и того же деятеля». На с. 44: Плифон «. . . одной ногой стоял еще в дремучем традиционализме». Непонятно выражение на с. 155: «прессирование текстов». Трактат Бозция «Утешение философией» ошибочно назван «Утешение философии» (с. 162) и др.

Однако эти недостатки не снижают общего высокого идейного и научного уровня исследования И. П. Медведева. Его монография открывает новое направление в изучении византийского гуманизма как более сложного раздела истории византийской культуры. Огромный материал греческих источников, прекрасное знание новейшей литературы на многих западноевропейских языках, хорошая исследовательская школа, оригинальность и широта научных взглядов — все это позволяет считать монографию И. П. Медведева ценным вкладом в развитие византиноведческой науки.

З. В. Удальцова

* * *

Монография И. П. Медведева посвящена одной из наиболее актуальных и дискуссионных проблем в современном византиноведении и в известной мере в средневековедении в целом.

Разработке данной темы автором предшествовали его многолетние специальные исследования различных вопросов истории поздней Византии (XIV—XV вв.), в особенности истории византийской культуры и проблем общественной и идеологической жизни Морейского княжества, где жили и действовали наиболее видные представители византийской интеллигенции, творчество которых составляет предмет научного анализа И. П. Медведева. Иными словами, книга является итоговым завершением целого цикла работ автора. Многие из вопросов, трактуемых в монографии, уже были затронуты им в книге «Мистра. Очерки истории культуры поздневизантийского города» (опубликована в 1973 г.) и в ряде статей¹.

Монография начинается с краткого (6 с.) введения, в котором излагаются существо проблемы, ее наиболее спорные аспекты и определяется задача исследования — через «возможно более глубокое знакомство с источниками эпохи. . . попытаться создать обобщающий труд о гуманистическом направлении в рамках византийской культуры XIV—XV вв.» (с. 10).

В современной, по преимуществу в зарубежной — западной и греческой, — историографии понятие «византийский гуманизм» трактуется крайне противоречиво: либо как выражение континуитета античной культуры, как непрерывная традиция византийской философской и общественно-политической мысли, сохранявшаяся вопреки господству ортодоксии и религиозной схоластики в течение всей истории империи, либо как периодические «всплески» проявления гуманизма в творчестве отдельных деятелей культуры Византии (так называемая «множественность ренессансов»). При этом одни ученые сближают византийский гуманизм с итальянским, другие противопоставляют эти два понятия, подчеркивая бесплодие, отсутствие творческой мысли и формализм аттицизирующей традиции в трудах гуманистов Византии.

Несмотря на то, что автор хотел бы «чувствовать себя свободным от терминологического гнета, ибо далеко не убежден, что может идти речь о византийском гуманизме как широко культурном движении, выразившем идеологию нового, нарождавшегося класса буржуазии» (с. 9), сама логика исследования обязывала ученого строить свою работу в сравнительно-историческом плане — анализ осуществляется, явно или в подтексте, в неразрывном сопоставлении основных характеристик византийского гуманизма с идейными критериями итальянского Ренессанса.

¹ *Медведев И. П.* Политическая экономия Гемиста Плифона. — ВВ, 33, 1972; *Он же.* Византийский гуманизм. — ВИ, 1972, № 4; *Он же.* Современная библиография исихастских споров в Византии в XIV в. — АДСВ, 1972, 1973; *Он же.* К вопросу о влиянии идеологической борьбы в Византии XIV в. на изобразительное искусство. — В кн.: Искусство и культура Византии. Л., 1975.

И. П. Медведев охватил в монографии широкий круг вопросов, связанных с проблемой византийского гуманизма. Самый крупный раздел посвящен интеллектуальной жизни Византии последнего столетия ее истории, особенностям культурно-общественной среды, в которой вращались и творили изучаемые автором деятели. Рассмотрены вопросы: о неоплатонизме как философской основе творчества гуманистов, об их отношении к христианству, о концепции человека у гуманистов, о характере решения ими философской проблемы причинности и случайности в природе и обществе и, наконец, о политических идеалах и социально-экономических воззрениях виднейших византийских гуманистов XIV и особенно XV в. Заключает книгу особый раздел, где суммируется и сопоставляется общее и специфическое в византийском и итальянском гуманизме.

В книге имеются пять приложений, которые являются ее органической частью и удовлетворяют требованиям старой и доброй научной традиции: в солидном обобщающем исследовании вводить в научный оборот новые материалы источников (задача для медиевиста, в особенности работающего в области зарубежной истории, весьма нелегкая). Автор опубликовал в приложениях впервые переведенный на русский язык весь текст «Законов» Георгия Гемиста Плифона. Кроме того, впервые опубликованы в оригинале (на латинском и среднегреческом) с переводом на русский язык четыре документа из архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, принадлежащие перу западных и византийских деятелей культуры XV и XVII вв. и содержащие новые данные о византийских гуманистах.

Монография хорошо оформлена и тщательно выполнена полиграфически. Аппарат книги составляет около четверти всего ее объема — автор в курсе всей новейшей мировой историографии избранной им темы. Работа завершается списком сокращений и тщательно составленным указателем имен.

Существенным недостатком оформления научной монографии я считаю отсутствие в ней полного списка источников и литературы: получение необходимых справок из подстрочного аппарата, даже при наличии индекса имен, представляется весьма затруднительным.

В первой главе книги И. П. Медведев показал, что византийский гуманизм XIV—XV вв. был явлением, общественно и политически обусловленным. Во-первых, он обладал некоторыми чертами, позволяющими сближать его с западноевропейским Ренессансом. Во-вторых, его формы, специфика и пути развития находились в тесной зависимости от конкретных условий византийской действительности. В-третьих, автору удалось, на мой взгляд, доказать, что передовая мысль в Византии в последнее столетие существования империи находилась в прямой конфронтации с учением византийских ортодоксальных схоластов, известных под именем исихастов. Убедительно выглядит заключение И. П. Медведева, что среди причин, побуждавших деятелей поздневизантийской культуры покидать родину и переселяться в Италию и другие страны Западной Европы, была не только османская опасность, но и преследования со стороны исихастов, представлявших со времени правления Иоанна VII Кантакузина правительственную партию. Считаю совершенно справедливой точку зрения И. П. Медведева на политическую исихазм в Византии той поры как на идеологию и практику оголтелой реакции, представлявшей собой византийский вариант средневековой инквизиции: травля инакомыслящих, уничтожение трудов идейных противников, аресты, ссылки, физическое глумление, казни (с. 32—38).

Переходя к вопросу о философской основе византийского гуманизма (гл. II), автор справедливо выдвигает в качестве методологического принципа тезис о необходимости применения структурного метода (учет общественного строя империи, социально-экономических условий ее жизни, особенностей общественно-культурной и социальной среды гуманистов и т. д.), а также генетического подхода к учению гуманистов, позволяющего не только констатировать гносеологические корни их мировоззрения, но и определить специфику этой взаимосвязи. Представляется вполне обоснованным и вывод автора, что философской основой учения гуманистов оставался неоплатонизм — точно так же, как он был основой и самого учения «отцов церкви». Однако в данном случае, как и в случае с «платоновскими академиями» в Италии, гуманисты опирались на те аспекты неоплатонизма, которые были чужды и враждебны

христианскому вероучению. Иначе говоря, неоплатонизм гуманистов был не только отличен от неоплатонизма «отцов церкви», но являлся в сущности альтернативой христианству (см. с. 59).

Значительный интерес представляет III глава работы, в которой исследуется сущность критики христианства в трудах византийских гуманистов, и прежде всего в сочинениях Плифона. Автор показал, что гуманисты разрушили монополию церкви на изучение и толкование проблем богословия. Хотя гуманисты XIV столетия оставались в жизни верными сынами церкви и многие из них приняли монашескую схиму, объективно исповедание веры некоторых из них уже нельзя назвать подлинно православным. Безусловный враг христианства Плифон не был, однако, атеистом — он политик, и его политеизм не имел ничего общего ни с христианством, ни с эллинским паганизмом, хотя имена богов плифоновского пантеона в созданной им новой религиозной системе целиком заимствованы из древнегреческой мифологии.

Сколь искусственно ни выглядит религиозное учение этого философа, из его теологической системы вытекали требования упразднения христианства, ликвидации монашества как общественно вредного института, сведения до минимума роли служителей культа. Ставя вопрос о степени утопичности доктрины Плифона, автор справедливо указывает на ее крайнюю оторванность от действительности. Плифон предпринял попытку обосновать новую идеологию и новую космогонию, которые оправдали бы проведение социальных реформ вне учета условий времени и реального политического климата в стране (в частности, разгула ортодоксального фанатизма перед угрозой мусульманского завоевания). По мысли И. П. Медведева, в той ситуации, в которой тогда оказалась империя, необходимо было не возрождение подновленного язычества, а реформация церкви (с. 87).

Существенное место в монографии занимает глава IV, в которой рассмотрена концепция человека в миропонимании гуманистов. Вполне оправданным считаю тезис автора, что в данном вопросе византийские передовые мыслители были весьма близки к деятелям итальянского гуманизма. Счастье личности и благоденствие общества находились в центре их размышлений и поисков. Они проповедовали необходимость всестороннего развития личности, ее творческой активности, максимально широкого овладения ею духовными богатствами, ставили задачу исчерпания каждой личностью в процессе ее деятельности всех ресурсов своих возможностей. Важным постулатом они считали уважение к чужому мнению и терпимость к инакомыслящим, если те не нарушают общественных законов.

В связи с этим автор вновь — и снова убедительно — противопоставляет этот идеал человека исихастскому мистико-богословскому идеалу человека-созерцателя, стремящегося к трансцендентному слиянию с божеством (с. 89—90).

Наиболее, так сказать, «философской» по содержанию является V глава, где трактуется проблема детерминизма и свободы воли у византийских гуманистов. Выводы этой главы особенно основательно, на мой взгляд, подрывают широко распространенное и столь же устаревшее мнение о творческом бесплодии византийской философской и общественно-политической мысли. В противовес этому убеждению автор справедливо акцентирует внимание на таких тезисах учения Плифона, как утверждение о господстве принципа причинности в природе и обществе и всеобщей обусловленности хода событий, о случайности как форме проявления необходимости, о свободе как познанной необходимости и др. Закономерно поэтому и заключение И. П. Медведева, что упомянутые идеи Плифона содействовали десакрализации мысли в эпоху, когда официальные догмы христианства тяготели над умами людей (с. 121).

Вполне оправдано то внимание, которое историк-византинист уделил в своей работе политическим идеалам византийских гуманистов, прежде всего Плифона (гл. VI). Это тем более интересно, что Византия переживала в ту эпоху глубочайший кризис и ее положение не могло не волновать гуманистов. Сам Плифон, по словам И. П. Медведева, был порождением «критического состояния византийского общества, стоявшего перед угрозой исчезновения» (с. 44).

В острой полемике с зарубежными историками автор показал, что идеал империи оставался в целом по извечной византийской традиции свойственным и византийским гуманистам. Однако эта империя в их представлениях была несколько иной — она нуждалась в перестройке теократической структуры, поскольку уже не выступала как

высшая стадия государственности в исторической схеме мира, а являлась лишь одним из звеньев в общеполитическом развитии человеческого общества (апогей ее могущества миновал, на смену ей придут иные империи). Таким образом, это уже не империя как «царство божие на земле», а ее император — не помазанник «милостью божией». Он лишь персонифицировал собой (согласно представлениям Плифона) высшую должность в государственной системе и сам должен был отвечать определенным требованиям. Единственной причиной дурного состояния дел Плифон объявлял плохое государственное устройство (с. 132). Император, если он обладает необходимыми добродетелями и является философом, призван провести в жизнь назревшие преобразования. Поэтому вполне оправдан, по моему мнению, вывод автора, что византийские гуманисты инстинктивно тянулись к идеалу просвещенной монархии (с. 138).

В последней (VII) главе анализируются социально-экономические воззрения византийских гуманистов. Предлагавшиеся в этой сфере Плифоном реформы были не менее радикальными, чем в области религии, хотя продуманной и строгой теории, как отмечает автор, у Плифона не было — были лишь постулаты, конкретные рекомендации. Плифон предлагал ликвидировать частную собственность на землю, предоставляя ее бесплатно для обработки любому желающему. Население страны мыслитель видел разделенным на три разряда: на разряд трудящихся (илотов, или эргатов), занятых непосредственно производством потребительских ценностей, разряд владельцев средств производства и разряд управителей и людей, обеспечивающих безопасность.

Налог — именно только натуральный налог — должны были уплачивать лишь илоты. Норма его зависела от того, свои, общественные или принадлежащие другим людям средства производства они использовали в процессе труда. В соответствии с этим Плифон называл источником потребительских ценностей труд, средства производства и условия безопасности. Воины, относимые к третьему разряду, не должны были платить налогов вообще. Мало того, пехотинец должен был обладать одним илотом, всадник — двумя, военачальники — тремя и больше — в зависимости от того, как определит глава государства. Императору также полагалось определенное число илотов, которые, таким образом, рассматривались как своего рода государственные крепостные. Монахам (Плифон называет их «роем трутней») он вообще отказывал в нетрудовых доходах. Кроме того, экономическая система Плифона предусматривала введение протекционизма — высоких пошлин на импорт иноземных товаров и экспорт собственных, в которых ощущалась нужда.

Анализируя эту программу, автор ставит два вопроса: о социальной сущности социально-экономических преобразований, предложенных Плифоном, и о степени их осуществимости в тех условиях. Отвечая на первый вопрос, И. П. Медведев заключает, что Плифон проявил себя в данном случае как выразитель интересов служилой феодальной знати средней руки, а именно — проиаров, получателей условных держаний от короны, ненавидевших, по словам автора, крупных земельных собственников, ибо их земельная собственность сужала возможности получения проний от казны, и заинтересованных в натуральной ренте (а Плифон предлагал именно ее сделать единственной формой налога).

Рассматривая второй вопрос, И. П. Медведев отмечает крайне противоречивые суждения в научной литературе: в советской историографии Плифона определяли как мечтателя и утописта, в зарубежной, напротив, — как «великого реалиста» и даже творца «коммунистической доктрины». Заключение автора на этот счет в сущности совпадает с выводом Б. Т. Горянова, а именно: сколь интересны ни были идеи Плифона, они были совершенно неосуществимы, так как философ игнорировал исторические условия той эпохи (с. 158)².

В заключении автор квалифицирует черты сходства византийского и итальянского гуманизма скорее как внешние и поверхностные совпадения, чем сходство по существу. Византия переживала кризис своей системы, но она до конца дней оставалась феодальной страной. Византийский гуманизм не был идеологией представителей новых форм общественных отношений, как на Западе, он отнюдь не стал общественной и социальной реальностью в качестве творческой и созидательной силы. Его идеи были неведомы

² *Георгий Гемист Плифон. Речи о реформах. Перевод и предисловие Б. Т. Горянова.* — ВВ, 1953, 6, с. 395.

широким слоям населения, оставаясь достоянием узкого круга ученых. Все это отразилось и на самом мировоззрении гуманистов. Груз традиционных идей, восходивших к античности и патристической классике, остановил прогрессивных мыслителей Византии на полпути. О византийском гуманизме, пишет в заключение И. П. Медведев, можно говорить лишь как об «аналоге итальянского гуманизма», не как о сформировавшейся системе мировоззрения, а только как о «тенденциях к гуманизму» (с. 161, 169).

Перед Византией XV столетия, говорит автор, стояла альтернатива: либо путь светского гуманизма и включение в общеевропейское русло исторического развития, либо пребывание в застылых рамках ортодоксального ригоризма и консервация византийского средневековья. Исихасты одолели, надев на свободную мысль вериги смирения, а османское завоевание прервало всякую возможность какого бы то ни было выбора (с. 170).

Таковы основные положения монографии. Они, на мой взгляд, вполне оригинальны и достаточно обоснованы материалом источников.

Мои замечания сводятся к следующему. Наименее разработанными мне представляются положения главы о социально-экономических воззрениях византийских гуманистов. Коротко изложенная выше программа реформ Плифона заслуживает более широкого и основательного анализа. Я не намерен ставить под сомнение выводы автора об утопичности этой программы и ее классовой обусловленности. Но я считаю сомнительным, что предлагаемые Плифоном реформы отражали интересы именно византийских проиаров. Как следует из речи Плифона к императору Мануилу II Палеологу, знатым воинам (а среди них как раз было немало проиаров), по мысли философа, полагалось владеть всего тремя илотами, из которых к тому же один должен выполнять одновременно роль не только слуги, но и воина³. Вряд ли такая скромность в пожеланиях (а о том, что нужно довольствоваться самым необходимым, Плифон высказывается многократно) соответствовала помыслам проиаров того времени. То же самое следует сказать и о проекте Плифона ликвидировать частную собственность на землю. Получить проию на основе наследственного права и превратить ее в родовое поместье было в ту эпоху, как принято считать в отечественной историографии, предметом домогательств со стороны проиаров.

Нечеткой мне представляется и характеристика отношения Плифона к ремесленникам и торговцам. По словам автора, философ не находит им места ни при характеристике основного податного разряда, ни при распределении национального дохода. Встречающееся же упоминание в речи Плифона об этой категории, по мысли исследователя, «случайно появилось в его записях, будучи или реминисценцией высказываний античных авторов, или попросту констатацией современной ему действительности» (с. 153). Но сколь ни скуп на этот счет Плифон, из его речей с полной очевидностью следует, по моему мнению, что упоминания об этой категории у него отнюдь не случайны и ей отведено философом в его экономической и социальной системе вполне определенное место. Само введение режима протекционизма, предлагаемого философом, предусматривает развитое ремесленное производство. И Плифон действительно подчеркивает, что греки вполне в состоянии обеспечить себя тканями, одеждой и всем необходимым без импорта иноземных товаров (исключение делается им только для железа и оружия⁴). Кстати говоря, эта реформа предполагала защиту отечественного ремесла от конкуренции, в особенности от конкуренции ремесла итальянского. В речи к наследнику престола деспоту Феодору Палеологу Плифон прямо говорит, что под обладателями средств производства, т. е. под «вторым разрядом» населения страны, он имеет в виду именно «ремесленников, купцов и лавочников»⁵. Именно так трактовал это место и Б. Т. Горянов⁶.

Несколько более мелких замечаний. Отмечая противоречия во взглядах Плифона и причудливое сочетание в его мировоззрении передовых для его времени идей и отсталых положений, И. П. Медведев, однако, считает необходимым защитить философа

³ *Георгий Гемист Плифон*. Указ. соч., с. 401.

⁴ Там же с. 403.

⁵ Там же, с. 407.

⁶ Там же, с. 392.

от обвинений его некоторыми современными учеными в нетерпимости к чужому мнению, хотя именно Плифон провозгласил тезис об уважении прав инакомыслящих на свои убеждения. Ошибка этих ученых, по мнению И. П. Медведева, состоит в том, что они путают суровость философа к нарушителям закона с его якобы имевшей место суровостью к инакомыслящим (с. 101—102). Я считаю, что в данном случае более правы критикуемые автором исследователи. Ниспровергавший христианство философ предусматривал, кажется, меры по насильственному навязыванию обществу своей космогонии и теософии (придав им силу закона), которые он неоднократно сам оценивал как «наилучшие», мыслимые не иначе, как он «изложил»⁷. В своих «Законах» Плифон выразился на этот счет вполне определенно: сожжению заживо, пишет он, подлежат не только преступившие закон, но и «тот из софистов, который, мудрствуя, выступит против этих наших мнений» (с. 204).

Медведев отдавал себе ясный отчет в том, что переводы стихотворных религиозных гимнов богам, сочиненных Плифоном, представляют необычайную трудность. Он оговаривается во вступлении к переводу, что не претендует на адекватную оригиналу художественную форму (с. 172). Тем не менее, к сожалению, нередко редакция переводов гимнов представляется мало удачной.

Среди крупных обобщающих работ по истории поздней Византии, перечисленных автором (с. 12), почему-то не названа книга К. В. Хвостовой, упомянутая лишь однажды во всей монографии (с. 149).

В заключение еще раз подчеркну, что работа И. П. Медведева представляет собой первую и пока наиболее основательную в советской историографии попытку марксистской трактовки чрезвычайно сложной и широкой проблемы византийского гуманизма. Автору не удалось найти для определения этого специфического общественно-культурного явления достаточно точный и адекватный философский термин, что, кстати говоря, не смогли сделать и его предшественники в научной литературе, но он сумел, на мой взгляд, доказать, что изучаемое им явление выражало тенденцию философской и общественно-политической мысли поздней Византии к гуманизму, соответствующую той стадии исторического развития, на которой империя в эту эпоху находилась.

Г. Г. Литаврин

Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества, вып. 2. Межвузовский научный сборник/Отв. редактор Г. Л. Курбатов. Л., 1978. 143 с.

Появление межвузовских тематических сборников по истории средних веков — новое и положительное явление в отечественной науке¹. Их публикация дает возможность сконцентрировать внимание ученых на комплексном решении крупных проблем средневековья, объединяет исследователей разных университетских центров страны, способствует обогащению учебного процесса в вузах.

Ряд статей рецензируемого сборника² имеет непосредственное отношение к византиноведению. Сборник открывается работой Г. Л. Курбатова «К проблеме рабства в ранней Византии». В исследовании обобщающего характера автор приводит новые аргументы в пользу концепции о том, что византийское общество IV—V вв. еще в полной мере продолжало оставаться позднеантичным. В качестве основного критерия в определении эволюции этого общества Г. Л. Курбатов выделяет вопрос о рабстве. Считая (так же как А. Р. Корсунский, В. И. Кузицин, Г. Е. Лебедева и др.), что позднеантичному обществу присуще изменение роли рабства в производстве и отношения к нему общества и государства, Г. Л. Курбатов подчеркивает, что, несмотря на все законы об освобождении рабов, главные источники рабства в Византии IV—V вв. не были затронуты, а основная масса рабов еще «воспроизводилась» (с. 4—5). При этом целью ранневизантийского законодательства было не столько прямое использование труда рабов, сколько «прохождение» значительной массы работников через это со-

⁷ Там же, с. 204.

¹ См., например: Средневековый город. Саратов, 1968—1978, вып. 1—5; Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Горький, 1973—1975, вып. 1—2; Англия XIV—XVII вв. Проблемы генезиса капитализма. Горький, 1974—1976, вып. 1—3.

² См. реп. на вып. 1 сборника: СВ, 1975, 39, с. 232—235 (А. Р. Корсунский); ВВ, 1977, 38, с. 171—181 (А. И. Озолин).